

Фашизм, в трактовке Ги Дебора, есть «*технически оснащенная архаика*»¹. Соглашусь и продолжу. Либерализм, по крайней мере в одной из смысловых проекций, есть технологически воспроизводящая отчуждение инноватика. Данное определение совпадает с определением капитализма, аутентичной социально-политической стороной которого, феномена социально-экономического, либерализм и является. Остаточные симпатии к либерализму — в память о временах противостояния с засильем фидеизма, клерикализма и сословного неравенства — обусловлены приватизированным им брендом свободы, но она здесь содержательно скудна. И сопрягается не с лицом и не с полнокровной натурой человека, а с имиджем, персональным товарным знаком. Вместо свободы «для» — свобода «от», но не от эксплуатации и товарного фетишизма, не от торговли собой, а от их радикального устранения. Свободы, задекларированной либерализмом, хватает лишь на сопротивление феодализму и его рудиментам — с капиталистическими несвободами ей никак не совладать.

Возникающий кентавр либерал-фашизма не чета археоавангарду, той синтетической композиции, которая намеревается выйти из-под опеки технологического детерминизма и, недовольная перетеканием истории в постисторию, а, не исключено, и самой исторической процессуальностью, ратует за нерасторжимость содержания и форм жизни. Если археоавангард обращается к прошлому и будущему, чтобы по максимуму снять отчуждение в настоящем, теперешнем состоянии общества, то либерал-фашизм оглядывается назад и заглядывает вперед, чтобы путем рекомбинаций сохранять, умножать и капитализировать отчужденность. Археоавангард, не закрывая глаза на проблемные места гуманизма, никак не посягает на априорную ценность человечности. Либерал-фашизм сдает и гуманизм, и человечность в угоду трансгуманистической сингулярности. Технологическая каузальность приближается тут к своему апогею.

Шарнирная конструкция либерал-фашизма эффективно чередует правовые и внеправовые приемы принуждения. Закон, исторически призванный вроде бы строго блюсти границу между правом и бесправием, в постисторических реалиях эту границу размывает. Джорджо Агамбен показывает, как в прошедшие пару лет в Италии в условиях объявленной пандемии правительственные распоряжения с размытыми формулировками способствовали широкомасштабному распространению чрезвычайного положения и превращению его в политическую норму². Чрезвычайное положение, о котором с либеральными интонациями говорит итальянский философ (перетолковывая определенным образом соответствующий концепт Карла Шмитта), и есть актуализированный либерал-фашизм.

Политическая эмпирия либерал-фашизма не требует публичного содержательно адекватного идеологического обрамления. Более того, оно, неоспоримо циничное, при своем возможном обнародовании выступило бы помехой в продвижении постисторического кентавра. Куда удобнее сопровождать его поступь мозаичной риторикой, вариативно сочетающей по мере нужды элементы всех идеологизированных дискурсов, что у публики на слуху. Востребованным оказывается здесь формирование информационно-коммуникативного поля, в котором перевозносимое и охаиваемое легко поменять местами. Идеология сливается с пропагандой, с голым инструментализмом — до чего никогда не опускался модерн. Если в его координатах идеология еще оставалась, пусть и с оговорками, в области собственно истинностных значений и не сваливалась целиком в прагматику, то в состоянии постмодерна, во всяком случае применительно к ризоме либерал-фашизма, собственно истинностная оценка конструкции, выполняющей функции идеологии, обнулена.

Треушников Илья Анатольевич,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Идеология в праве и право на идеологию

Проблематика, которая рассматривается в рамках настоящего круглого стола, приуроченного к Всемирному дню философии и вместе с тем к 85-летию со дня образования Нижегородской академии

¹ Дебор Г. Общество спектакля / под ред. Б. Скуратова; пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. Москва, 2000. С. 67.

² См.: Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика / пер. с ит. В. Данилова. Москва, 2022.

мии МВД России, действительно, обладает большой актуальностью. Вопросы взаимовлияния идеологических конструкций и правовой реальности в настоящий период времени приобрели особую остроту еще и вследствие эрозии международных правовых институтов, коллизионности принципиальных политических и правовых установок. При подготовке юридических кадров в этих условиях образовательные учреждения сталкиваются с дополнительными трудностями и вызовами как методологического, так и мировоззренческого характера, что, несомненно, требует осмысления.

Стремление позитивистски ориентированных теоретиков права сформировать ценностно-нейтральное представление о правовой реальности и на этой основе построить юридическую науку и образование не лишено противоречий. Сведение сущности права к «приказу суверена» не в состоянии в полной мере снять вопрос о детерминации цели и содержания этого самого приказа. Открытой остается и тема смыслообразования в процессе управленческой деятельности. Установка на игнорирование «философских» вопросов и освобождение правовой мысли от оценочных суждений позволяет снять их только в рамках данной конкретной методологии. Даже в рамках собственно правоведения как области знания стремление к «очищению» выступает во многом лишь претензией или заданием. Хотя оно поддерживается многими очень авторитетными исследователями. В частности, В. М. Сырых отмечает, что «по своей сущности правовая наука представляет собой систему достоверных истинных знаний о праве и государстве и не может содержать каких-либо идеологических положений, высказываний»¹. Достаточно беглого взгляда на историю отечественного правоведения для того, чтобы увидеть сколь сильно влияние на него идеологических конструкций. Возможно, что именно это обстоятельство и актуализирует поиск линий разграничения между собственно правовой наукой и правовой идеологией.

Само понятие «правовая идеология» является достаточно дискуссионным и периодически подвергается попыткам анализа специалистами-правоведами. Предельно широкое и упрощенное понимание правовой идеологии как высшего уровня правосознания вызывает обоснованные возражения. Усматривая в широком подходе опасность растворения идеологии в продуктах научного уровня правосознания или идеологизацию теоретического правосознания, критики выступают за уточнение содержания понятия «правовая идеология», обретение идеологических смыслов правосознания². Полагаем, что к такой постановке вопроса следует отнестись серьезно и вдумчиво. Особенно учитывая сохранившуюся в отечественных правовых исследованиях традицию обосновывать творческий замысел работы ссылками на заявления политического руководства страны, официальные документы и другие подобные, не имеющие прямого отношения к научному исследованию материалы.

Достаточно взвешенным представляется подход, при котором правовая идеология и научное правосознание мыслятся в качестве взаимосвязанных, но самостоятельных феноменов, обладающих собственными качественными характеристиками. Также следует поддержать мысль о том, что правовая идеология, не смотря на присущие ей специфические черты, выступает формой проявления социальной идеологии.³ Это позволяет говорить о проникновении идеологии в правовую действительность в самом широком смысле. В силу близости права и государственности, те или иные идеологические установки из политической сферы естественным образом проникают в строй правовых конструкций. Зачастую они приобретают закрепление в нормативных правовых актах и начинают оказывать прямое влияние на регулирование социальных отношений. В случае, когда этого непосредственно не происходит, идейные установки воздействуют на сферу правосознания. Полагаем, что сложно переоценить значение идеологических образцов, господствующих в сознании законодателя или лиц, оказывающих определяющее влияние на принятие законотворческих решений. При этом логически непротиворечиво предположение о том, что сами эти идеологические конструкции могут носить внешний по отношению к государственно-правовой системе характер, то есть генерироваться в области духовной культуры в целом. Взаимное влияние основных сфер жизни общества является очевидным фактом и не требует отдельного обоснования.

В связи со сказанным выше, мы можем говорить не только о проявлении идеологических конструкций в правовой реальности, но и о необходимости идеологии для продуктивного нацио-

¹ Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 135.

² Рудковский В. А. Правовая идеология и научное правосознание: проблемы разграничения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130). С. 16.

³ Там же. С. 18.

нального развития, о «праве на идеологию», которое обретает государственнообразующая совокупность народов. История дает массу примеров поиска национальных идеологий, которые осуществляются зачастую в самые критические периоды мирового развития. Дискуссия о русской идее, которая своими корнями уходит в глубины отечественной истории, сохраняет актуальность для нашей общественной мысли и до настоящего времени. Отраднее то, что данный вопрос выходит за рамки философских дискуссий и становится предметом рассмотрения ученых-юристов. Стоит обратить внимание и поддержать мысль о том, что существуют некоторые объективные пределы для «деидеологизации» как общества, так и государства и права.¹ Социальный организм требует наличия общественно-значимых установок, которые выступают системообразующими факторами общественной жизни. Они позволяют значимым массам населения идентифицировать себя как нечто общее, осознавать национально-государственное единство, помогают реализовывать стоящие перед обществом задачи. Наличие идеологических конструкций в общественном сознании во многом является необходимым условием для национального самосохранения. При этом необходимо подчеркнуть, что речь не должна идти о человеконенавистнических деструктивных идеологических системах. Они могут дать определенный консолидирующий эффект (история, к сожалению, дает нам эти примеры, как в прошлом, так и в настоящем), но в конечном итоге приводят социальную систему к саморазрушению.

Мы уже отмечали, что для российского общественного сознания на современном этапе его развития актуальной задачей представляется обретение мировоззренческих ориентиров, которые позволят обеспечить социальную консолидацию и решение стоящих перед обществом задач.² Для современной России и ее народа большое значение имеет самобытная цивилизационная самоидентификация. Для обоснования и укрепления национальной самобытности необходимо, кроме всего прочего, обращение к отечественной духовной традиции, включающей богатое философское наследие.³ На уровне политического руководства нашей страны это осознается в полной мере, что демонстрируется действующими «стратегиями», «доктринами», «основами», «концепциями», «программами» как федерального, так и регионального уровня. В частности, в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» перечисляются социально-значимые традиционные для народов России ценностные установки. Сам этот перечень имеет под собой определенную мировоззренческую основу, в документе дается оценка современной ситуации, в которой оказалась наша страна, формируется образ будущего, ориентированный на желаемые ценностные идеалы. Что особенно для нас важно в тексте содержится прямое указание на необходимость противодействия деструктивным идеологиям, которые выступают значимыми угрозами для России, так как направлены на разрушение традиционного народного мировоззрения, размывание основ социальной солидарности, нарушение «общероссийской гражданской идентичности». В силу того, что мировоззренческие установки определяют деятельность человека, деструктивные идеологии направлены фактически на распространение контрпродуктивного социального поведения, обострение социальных конфликтов, включая межконфессиональные и межнациональные.⁴ Смысловое поле, которое порождает рассматриваемый документ, позволяет говорить о нем как об элементе идеологической доктрины. Тем самым реализуется потребность в определенном идеологическом оформлении национального сознания. Можно признать, что это приемлемая форма актуализации права на идеологию в условиях декларируемой действующей Конституцией России идеологического плюрализма и запрета на установление обязательной государственной идеологии.

Можно обратить внимание на исследования посвященные анализу отдельных концепций регионального уровня (на примере Концепции правовой политики Тамбовской области). Современные авторы отмечают не только жизнеспособность подобного рода программных документов, но и

---

¹ Рудковский В. А. Правовая идеология и научное правосознание: проблемы разграничения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130). С. 21.

² Треушников И. А. Правовые аспекты проблемы «Запад-Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2 (33). С. 17.

³ Треушников И. А. Философское обоснование российской государственности // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 2 (2). С. 42.

⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 27.02.2023)

перспективную продуктивность их применения законодателями субъектов Российской Федерации. Высказывая опасения в возможности избыточной регламентации правовой деятельности субъекта, переоценке прогностической функции правовой науки, они тем не менее положительно оценивают саму попытку сформировать «Концепцию» именно как идеологию («эскиз региональной правовой идеологии»)¹. Мы, таким образом, обнаруживаем, как проявление идеологической (полагаем допустимо применить данный термин) функции правовой науки, так и преломление идеологии в правовых документах.

В современной отечественной юридической мысли обсуждается и вопрос о формировании «конституционной правовой идеологии». С точки зрения авторов, конституционные положения части второй статьи тринадцатой не являются в данном случае препятствием, так как «задают систему координат» для существования различных типов идеологий в нашей стране. В этой системе конституционная правовая идеология призвана выступить консолидирующей формой в силу природы и характера самого Основного закона государства. Конституционная правовая идеология позволит обеспечить преемственность и функционирование государственной власти в контексте соблюдения баланса конституционных ценностей, социальных приоритетов, прав и свобод личности². Можно согласиться с мыслью о продуктивной роли консолидирующей идеологии для развития государства, общества, человека.

Таким образом, мы видим, что идеология в тех или иных формах обнаруживает свои проявления в правовой реальности. Общесоциальные идеологические установки и элементы правового бытия, понимаемого в предельно широком плане, такие как нормы права, правоотношения, элементы правосознания (правовая психология, правоведение, собственно правовая идеология), правовая политика, находятся в сложных взаимосвязях и взаимозависимостях. Говорить о свободе права от влияния идеологических установок можно только в области правовой науки и скорее в качестве желаемого идеала, нежели актуального состояния. На современном этапе российское общество обладает комплексом ценностных установок, закрепленных в нормативных правовых актах федерального уровня, которые могут рассматриваться как форма востребованной обществом идеологии. На наш взгляд, можно говорить о наличии основ для формирования национальной идеи, о необходимости которой многократно говорят как представители философского сообщества, так и специалисты в области юриспруденции.

Бобков Александр Иванович,

кандидат философских наук, доцент, профессор
кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин
Восточно-Сибирского института МВД России

Образование без идеологии, или Конец идеи университета

«Угнетение идеологией» воспринимается сегодняшним поколением, пришедшим в университеты, как состояние поколения далекого для них советского прошлого. Основным предикатом такого состояния в их сознании является полная зависимость мышления поколений, выросших в СССР, от отмененных революцией 1991 года догм самого лучшего и самого передового общества на планете. Строительство коммунизма в данном случае расценивалось как сочленение утопии и идеологии весьма опасное для устойчивого развития. Неустойчивое развитие представляется сегодняшнему поколению весьма далеким явлением, однако кризисы, в коих мы живем, подаются так, что ответственными за них назначают вновь и вновь старшие поколения, не умеющие представить себе текучую современность с ее расплавленными в угоду индивидуализации структурами и полагающими, что устойчивое развитие есть сохранение неких структурных принципов. Тогда как необходимо видеть тот факт, что структура сегодня конструируется однобоко, одноразово в угоду тем, кто сумел убедить массу в том, что именно эта структура может решить проблему раз и навсегда. Не нужно благодаря идеологии возвышать объективированное прошлое до состояния

¹ Клименко А. И., Попов В. И. Триумф идеи и / или успехи идеологии? Правовая политика или правовая идеология? // Правовая культура. 2022. № 4 (51). С. 112—113.

² Зиновьев И. П., Колесников Ю. А., Мельников В. Ю. Идеология как общественный и государственный институт // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 198—199.